

Ананьев Д.А.

Проблемы освоения российской Арктики в XVIII–XIX вв. в освещении англо- и германоязычной историографии

История освоения русскими арктических территорий – тема, получившая всестороннее освещение в западной, прежде всего, англо- и германоязычной историографии. Наибольший интерес зарубежных авторов вызывала история многочисленных экспедиций; политика царского, а затем советского правительства в отношении коренных народов Крайнего Севера; освоение и перспективы дальнейшего использования природных ресурсов. В рамках небольшой статьи невозможно охватить все многообразие работ, концепций и проблем, затронутых исследователями, поэтому ограничимся кратким обзором основных западных центров изучения Арктики; оценкой наиболее значимых исследований, посвященных истории морских экспедиций, а также проблеме взаимоотношений пришлого и коренного населения Крайнего Севера.

В Новое время европейцы неизменно проявляли повышенный интерес к возможности практического использования Северного морского пути («Северо-восточного прохода»). На рубеже XVI–XVII в. в Лондоне были изданы сборники, в которых описывались организованные на деньги торговой Московской компании плавания Уиллоуби и Ченслера, Пита и Джеммена.¹ В XVII в. внимание зарубежных авторов привлекли успехи русских в деле освоения огромных пространств Северной Азии, в том числе и тех, что находились в арктических широтах. Впрочем, первые сочинения западных авторов, содержавшие разнообразные сведения о владениях России за Уралом, отличались множеством недостоверных сведений или же сообщали западному читателю самую общую информацию.²

В XVIII в. западное сибиреведение вышло на качественно новый уровень, чему способствовало участие европейских ученых в деятельности многочисленных научных экспедиций, направленных русским правительством для исследования Северной Азии и северной части Тихого океана. Новые сведения об азиатских владениях России содержались в сочинениях И. Гмелина, П. Палласа, Г.Ф. Миллера, И. Георги, И. Фишера.³ Первым английским автором, посвятившим свой труд сибирской истории и обобщившим данные, собранные немецкими исследователями, стал У. Коукс. Его книга «Известия о русских открытиях между Азией и Америкой...» с момента публикации в Лондоне в 1780 г. на многие десятилетия стала наиболее авторитетным в англоязычной историографии исследованием темы.⁴ Среди прочего, У. Коукс обстоятельно описал многочисленные попытки западноевропейских и русских мореплавателей пройти отдельные участки Северного морского пути в XVII–XVIII вв.

В XIX в. освоению Арктики были посвящены многочисленные записки путешественников, отчеты об экспедициях, действовавших в арктических водах как Западного, так и Восточного полушарий.⁵ В то же время история освоения российской Арктики представлялась западным авторам не самой актуальной темой, уступавшей по своей значимости другим направлениям «русской восточной экспансии» – в частности, освоению Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья, которое напрямую затрагивало интересы других колониальных держав. Комплексное изучение истории освоения Северной Азии требовало привлечения более широкого круга исследователей; основательной разработки источников и обобщения историографического материала – прежде всего, накопленного русской исторической наукой.

Решение этих задач стало возможным только в XX в., чему в значительной мере способствовало создание специализированных научных центров, занимающихся арктической проблематикой. Так, в 1920 г. в Кембридже был основан Институт полярных исследований им. Р.Ф. Скотта. Институт является старейшим университетским центром международных полярных исследований.⁶ В 1930-х гг. он послужил базой для организации важных научных экспедиций в Арктику и Антарктику. В годы Второй мировой войны Институт помогал правительству, проводя исследования, связанные с созданием оружия, одежды и оборудования, необходимых для ведения войны в холодном климате. В течение многих десятилетий сотрудники Института изучали широкий круг исторических, социально-экономических, естественнонаучных проблем, связанных с жизнью в полярных широтах. В 1960-х гг. при Институте была создана Шеклтонская мемориальная библиотека, фонды которой представляют большой интерес для специалистов по исследованию Арктики.

В 1945 г. американские и канадские специалисты учреждают Арктический институт Северной Америки, с отделениями в Нью-Йорке и Монреале. С 1947 г. в Арктическом институте началась работа по составлению «Арктической библиографии» (*Arctic bibliography*), предназначенной для Министерства обороны США и ставшей ценным справочником для исследователей. «Арктическая библиография», которая достаточно полно и оперативно вела учет публикациям, включала в себя работы советских и зарубежных авторов, посвященные арктической проблематике. С 1947 по 1975 гг. вышло 16 томов «Арктической библиографии».⁷ В 1948 г. был запущен другой проект – журнал «Арктика», который до 1951 г. выходил трижды в год, а затем – ежеквартально. В 1975 г. Институт переехал в Университет Калгари, где находится по сей день.

В июне 1998 г. руководство Общества Макса Планка (ФРГ) приняло решение о создании Института социальной антропологии в г. Галле (Халле). Институт открылся в мае 1999 г. Одно основных направлений его работы связано и изучением тех трансформаций, которые в современных условиях переживают народы российского Крайнего Севера. Кроме того, в Институте дей-

ствует Центр сибирских исследований («Сибирская группа»). Одним из главных направлений его деятельности является изучение взаимосвязи между развивающимися отношениями собственности и социокультурными трансформациями, который переживает Российский Север в последние десятилетия. В центре внимания исследователей – Западная Сибирь, Якутия (Саха), Эвенкия, Чукотка и Камчатка.

Проблемами российской Арктики занимаются австрийские специалисты. В 1997 г. группа студентов, изучающих культурную антропологию и интересующихся проблемами Крайнего Севера, основала в Вене рабочую группу «Арктика и Субарктика». Целью ее деятельности стало расширение и углубление научных знаний об Арктике, прежде всего в таких сферах, как экономика, экология, социальное развитие и проблема этничности. В 2000 г. в Вене прошла конференция «Сибирь и Крайний Север», организаторами которой стали члены рабочей группы «Арктика и Субарктика», совместно с Институтом социальной и культурной антропологии, Венским университетом и исследователем П. Швейцером (Университет Аляски, Фэрбэнкс).

Наряду со специализированными центрами изучения проблем Арктики, большой вклад в разработку темы на Западе внесли отдельные историки. В начале XX в. комплексное изучение темы предпринял американский историк, профессор Стэнфордского университета Ф. Голдер, автор монографии «Русская экспансия к Тихому океану»⁸, написанной на основе широкого круга источников из Библиотеки Конгресса, Национальной Библиотеки и Морского Архива в Париже, архивов Санкт-Петербурга и др.

В предисловии к своей работе Ф. Голдер заявил, что не намерен уделять слишком большое внимание отдельным персоналиям – участникам исторических событий, поскольку они были лишь частицами общего процесса, подчинявшего себе этих отчаянных, но, по мнению историка, вполне обыкновенных людей, в действиях которых не было ничего героического. Вместе с тем, работа Ф. Голдера почти полностью посвящена описанию деятельности отдельных землепроходцев и мореплавателей, достижения которых в исследовании и освоении полярных широт автор не всегда готов признать. В частности, Ф. Голдер отказался признать заслуги С. Дежнева в открытии пролива, отделяющего Чукотку от берегов Америки, охарактеризовав описание пути, содержащееся в отчете Дежнева, как неточное и сомнительное. Самого первопроходца Ф. Голдер назвал авантюристом, не заслуживающим доверия.⁹

Другой американский историк, основатель Калифорнийской школы Р. Кернер стремился к более объективной оценке той роли, которую сыграли русские землепроходцы и промышленники в исследовании и освоении региона. Р. Кернер признавал заслуги С. Дежнева в исследовании Северо-востока, поддержав Л.С. Берга, подвергнувшего критике взгляды Ф.А. Голдера¹⁰. Вообще, по наблюдению В.Н. Чернавской, «впервые вопрос о С. Дежневе получил освещение в работе У. Коукса, уже тогда представившего мнения своих совре-

менников, в частности, и тех, кто не признавал заслуги С.И. Дежнева в открытии пролива». У. Коукс не останавливался подробно на описании открытий казака-землепроходца, но, «тем не менее, не раз подчеркивал, что точное описание северо-восточной оконечности Азии дал якобы лишь Дж. Кук»¹¹. Таким образом, Р. Кернер выступил против историографической традиции, берущей начало в трудах первых зарубежных историков-сибиреведов¹².

Отечественные историки опровергли многие выводы Ф. Голдера (в том числе – о невозможности совершения С. Дежневым своего исторического плавания через Берингов пролив, о преимущественно научных целях экспедиций В. Беринга и пр.¹³). Тем не менее, в западной историографии концепция Ф. Голдера редко подвергалась сомнению на протяжении почти всего XX в. Исключением можно считать работы другого представителя Калифорнийской школы – Р. Фишера. Внимательное изучение многочисленных опубликованных источников и ознакомление с трудами дореволюционных и советских исследователей позволило Р. Фишеру оспорить выводы Р. Голдера.

В своей статье «Семен Дежнев и профессор Голдер», опубликованной в 1956 г. в «Тихоокеанском историческом обозрении», а также, спустя десятилетия, в монографиях «Плавания Беринга: куда и зачем?» (Сиэтл, 1977) и «Плавание Семена Дежнева в 1648 г.: предшественника Беринга...» (Лондон, 1981) Р. Фишер фактически призвал западных историков к более внимательному изучению источников по истории Сибири¹⁴.

В отличие от плавания С. Дежнева, вызвавшего споры в американской историографии, деятельность участников Великой Северной экспедиции не вызвала столь разноречивых оценок. Ф. Голдер, обстоятельно описавший деятельность отрядов С. Муравьева и М. Павлова, Д. Овцына и В. Прончищева, С. Челюскина и Х. Лаптева, признавал колоссальные достижения русских научных экспедиций, действовавших в полярных широтах в XVIII в. В целом Великую Северную экспедицию историк охарактеризовал как наиболее трудоемкую, масштабную и дорогостоящую в мировой истории.¹⁵

О большом научном значении экспедиций середины XVIII в. также писали американские историки Дж. Антонсон и В. Ханэйбл¹⁶, К. Эрнесс¹⁷, Дж. Харрисон, Дж. Мирски и С. Томпкинс.¹⁸ В отличие от указанных авторов Р. Фишер, воспринял выводы советской историографии (в частности, Б.П. Полевого, А.В. Ефимова, В.И. Грекова) о решении в ходе Великой Северной экспедиции политических задач колониальной экспансии.¹⁹ К мнению Р. Фишера присоединились западногерманский историк Ю. Семенов²⁰ и канадский исследователь Г. Баррэт²¹.

Описанию арктических экспедиций XIX в. были посвящены работы Р.А. Бартлетта, Р.Т. Хейла, В. Стефанссона и др.²² О вкладе иностранных, в частности, немецких ученых в исследование российской Арктики писали Х. Абель, Х. Йессен, Д. Дальманн.²³ История исследования и освоения Се-

верного морского пути освещалась в трудах Т. Армстронга, Дж. Маккэннона и др.²⁴

Отдельная тема в исследованиях, посвященных истории российских арктических территорий, связана с проблемами взаимоотношений пришлого и коренного населения. Интерес европейцев к коренным народам Северной Азии возрастал по мере освоения русскими новоприсоединенных территорий. Несмотря на собранный европейскими исследователями XVII–XIX вв. богатый этнографический материал, история взаимоотношений коренного и пришлого населения Сибири не получила в их работах обстоятельного освещения, что было обусловлено недостаточной изученностью сибирской истории как таковой, а также бдительным контролем со стороны царского правительства, препятствовавшего распространению сведений о фактическом положении дел в новоприобретенных землях.

Ф. Голдер первым из западных историков подверг комплексному анализу проблему русско-аборигенных отношений в контексте изучения государственной политики в Сибири²⁵. Особое внимание он уделил истории покорения Чукотки и Камчатки, используя в качестве основного источника сборник документов, изданный в конце XIX в. А. Титовым, а также материалы «Памятников сибирской истории XVIII вв.»²⁶. Сущность русской колонизации северо-восточных территорий, в представлении Ф. Голдера, проявилась в бесчинствах промышленников и приказчиков, ограблении местного населения, истреблении пушного зверя. На Чукотке действия казачьих и армейских командиров, пытавшихся сломить упорное сопротивление аборигенов, подкреплялись соответствующими правительственными указами. Вместе с тем, Ф. Голдер отмечал хаотичность действий русских колонизаторов, непродуманность государственной политики, безжалостную эксплуатацию коренного населения, что, по его мнению, неизбежно должно было подорвать основы русского присутствия в Северной Азии.

Однако и в начале XX в. позиции России в регионе выглядели достаточно прочными; следовательно, требовалось более глубокое объяснение причин русской колонизации, более четкое определение ее характера и, в частности, объективная оценка политики в отношении коренного населения. В отличие от Ф. Голдера, Р. Кернер писал о сочетании военных акций и мирного освоения, но и он представлял историю освоения Сибири как хронику «ужасающей эксплуатации природных ресурсов и коренного населения». Лучшим подтверждением данного вывода историк считал стремительность продвижения на восток, в основе которого было истребление пушного зверя, заставлявшее промышленников переходить на новые места²⁷.

В русле концепции Ф. Голдера написаны работы известного британского журналиста и советолога В. Коларца (1912–1962), указывавшего на агрессивный, военный характер русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, на

сходство методов русских и западноевропейских «колонизаторов»²⁸. В числе сторонников такого взгляда – В. Конноли, Л. Гилетт, К. Греппер.²⁹

Основной вклад в пересмотр устоявшихся историографических оценок внесли представители Калифорнийской школы – Дж. Ланцев, Р. Фишер, Дж. Харрисон, Р. Пирс и др. Так, Дж. Ланцев не только писал о психологии превосходства, присущей русскому народу (который поставлен историком в ряд «экспансионистских наций»), но указывал также на значение политической составляющей сибирской колонизации уже на ранних ее этапах. Правительство достаточно быстро осознало, что важнейшей задачей в Сибири является проведение разумной и мирной политики в отношении коренного населения³⁰.

В дальнейшем многие историки противопоставляли политику правительства действиям местной администрации и служилых людей. Так, британский историк Т. Армстронг, автор монографии «Заселение русскими Севера», отмечал, что русские редко вмешивались в дела инородцев, отношение к ним со стороны правительства было достаточно либеральным, но действия местных чиновников зачастую отличались бессмысленной жестокостью³¹. Дж. Харрисон, соглашаясь с тезисом Р. Кернера о преобладании торговых интересов России на востоке, полагал, что именно слабый контроль со стороны правительства над сибирскими чиновниками и промышленниками привел к произволу местных властей, насильственной христианизации и непрерывному «избиению» коренного населения³². По мнению Р. Пирса, алчность и бесконтрольность казаков и промышленников делали неизбежными частые столкновения между пришлым и коренным населением Сибири. Соответственно, особенно сильными и кровопролитными были конфликты в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (в Приамурье, на Камчатке и Чукотке), т.е. там, где контроль со стороны правительства был наиболее слабым³³.

В конце XX в. историографическую традицию, противопоставлявшую политику правительства действиям местной сибирской администрации, последовательно опровергал английский исследователь Дж. Форсайт, автор монографии, целиком посвященной русско-аборигенным отношениям в Сибири. Исходный тезис Дж. Форсайта заключался в отрицании принципиального различия методов колонизации, применявшихся Россией и другими европейскими странами. Основной целью своей работы Форсайт считал опровержение выводов советских историков-сибиреведов о прогрессивном значении русской колонизации, неизбежности и объективности этого процесса. В представлении автора, самобытные культуры коренных народностей неизбежно разрушались под натиском вторгнувшейся русской цивилизации, предпочитавшей методы насилия и принуждения принципам «мирного сосуществования»³⁴.

В 1993 г. в рецензии на работу Дж. Форсайта О.Л. Милова подвергла критике попытки английского историка разрушить «идеологические основы» российской историографии Сибири, поскольку эти попытки привели исследователя к односторонней трактовке целого ряда исторических проблем. О. Ми-

лова пришла к выводу, что Дж.Форсайт ошибочно подходил к освоению Сибири русскими как к единому процессу, тогда как необходимо различать «государственную» и «народную» колонизацию, а также учитывать, что «в государственной политике России всегда присутствовало и достаточно вдумчивое, «охранительное» отношение к народам Сибири и Дальнего Востока»³⁵.

В целом в современной западной историографии явно преобладает вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири и Крайнего Севера, но если раньше исследователи объясняли все разнонаправленностью действий центральных и местных властей, то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает, прежде всего, правительство.

Американский историк Ю.Л. Слезкин, автор монографии «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера», убедительно продемонстрировал механизм формирования такой политики, во многом определявшейся не только меркантилистскими и геополитическими представлениями правящей элиты, но и развитием общественной мысли. Предметом исследования стала история взаимоотношений пришлого и коренного населения Крайнего Севера, а также изучение взаимосвязи между правительственной политикой в регионе и общественными настроениями в ту или иную эпоху.

В монографии воспроизводится традиционный тезис о том, что до XVIII в. русское правительство интересовало не столько присоединение новых территорий за Уралом, сколько получение с них максимального дохода – в первую очередь, в виде пушнины³⁶. Русским первопроходцам, воспринимавшим сибирских иноземцев как обычных иностранцев, не приходило в голову, подобно испанцам, искоренять чужие культуры и верования (ко всему прочему, вероисповедание помогало установить принципиальное различие между пришлым и коренным населением), а в основе многочисленных столкновений с аборигенами лежала простая жадность охотников за пушниной.

В Петровскую эпоху с распространением идей Просвещения, в том числе идеи прогресса, власти поставили перед собой задачу преодоления отсталости сибирских «инородцев». Одним из средств была борьба с язычеством и распространение христианства. В своей политике правительство также исходило из другого представления, свойственного эпохе Просвещения, согласно которому достижение общественного благополучия возможно лишь тогда, когда методы управления основаны на разуме – источнике всяких представлений о пользе. Польза от сближения с инородцами по-прежнему целиком определялась размером собираемого ясака, неуклонно сокращавшегося на протяжении всего XVIII в.³⁷ Именно этим объясняются действия правительства, которое, с одной стороны, начало преследования коррумпированного сибирского чиновничества, а с другой – упорно подавляло сопротивление аборигенов, особенно на северо-востоке, где отношения подданства были неизвестны корен-

ному населению, и куда вплоть до второй половины XVIII в. направлялись карательные экспедиции.

В царствование Екатерины II государство окончательно убедилось в необходимости полной изоляции «инородцев» от русского населения Сибири. По заключению Ю.Слезкина, изменения в правительственной политике сопровождались сменой влияния немецких идеологов Просвещения все большей популярностью французских мыслителей, указавших на определенное преимущество в образе жизни «дикарей» – их близость к природе, некоему естественному состоянию. Несмотря на ряд указов Екатерины II, направленных на улучшение положения «инородцев», в их взаимоотношениях с русским населением и местной администрацией не произошло заметных улучшений³⁸. Несмотря на реформу М.М. Сперанского, который, по словам Ю. Слезкина, создал в Сибири систему управления, более эффективную, чем в губерниях Европейской России, в течение всего XIX века территорию Крайнего Севера в наименьшей степени затронули правительственные проекты, направленные на «модернизацию, колонизацию и экспансию» в Северной Азии.

Влияние работы Ю. Слезкина, по мнению П. Верта, ощущается в исследованиях таких антропологов как Б. Грант, А. Головнев, Г. Очеренко, А. Кертгула, Н. Ссорин-Чайков, Н. Найт, Р. Джераси, Ф. Херш³⁹. Но в отличие от Ю. Слезкина, изучавшего представления русских «о человеческой и национальной (в том числе собственной) идентичности», современные антропологи и этнографы интересуются в первую очередь жизнью и мировосприятием самих аборигенов. При этом они по-прежнему «полны решимости выработать практику этнографических исследований, свободную от отпечатков колониализма, стоявшего у истоков этой научной дисциплины»⁴⁰.

Роль этнографической науки в выработке государственной политики в отношении аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока рассмотрел Дэвид Андерсон, сотрудник Абердинского университета и автор монографии «Идентичность и экология в Арктической Сибири. Оленеводческая бригада номер один»⁴¹. Затрагивая проблему взаимосвязей между различными традициями этнографической мысли и интересами империй и национальных государств, Д. Андерсон пришел к выводу, что этнография часто использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти». Результатом применения данного инструмента становилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т.п., что, в итоге, оборачивалось раздуванием национального чувства («национальной инфляцией»).

На примере изучения прошлого и настоящего народов, проживающих в низовьях Енисея (в их числе – ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.), исследователь попытался опровергнуть главное предположение русской «государственной» этнографии, что у каждого индивида должна быть определенная этническая принадлежность. По мнению исследователя, ранжирование народ-

ностей служило не только целям более качественного управления или удовлетворения научного интереса, но, главным образом, целям колонизации и заселения русскими новых земель. При всей дискуссионности некоторых выводов Д. Андерсона,⁴² следует признать, что главный пафос современных западных антропологов и этнографов заключается в призыве рассматривать историю коренных народов Сибири не в рамках «русскоцентричного» подхода, но с позиций самих этих народов.

Так, монография М.М. Балцер «Сила этничности: Сибирская сага в глобальной перспективе»⁴³, написанной на материалах полевых исследований, посвящена истории и современному положению народа ханты, населяющего Северо-Западную Сибирь. При этом автор руководствовалась принципом, что антропологическая теория и практика должны базироваться на круге представлений самих коренных народов и способствовать их выживанию. М. Балцер рассматривает историю остяков-ханты на протяжении нескольких веков; анализирует последствия процесса русской колонизации, христианизации, промышленного освоения. Все эти процессы были связаны с определенной государственной политикой, приведшей, в том числе, к разрушению экологической среды на землях, издавна населенных остяками-ханты. Описывая процессы, предвещающие, по мнению автора, окончательный упадок и гибель коренного населения, в последних главах Балцер показывает, каким образом можно повлиять на процесс формирования «этнической идентичности» ханты и, тем самым, помочь им сохранить свою традиционную культуру, дать повод гордиться своей самобытностью.

Изучение духовного мира коренных народностей Сибири и Дальнего Востока предполагает анализ таких явлений как шаманизм и анимизм. Современные этнографы стремятся преодолеть устоявшиеся социологические и антропологические подходы к изучению традиционных верований, связанные с именами Э. Дюркгейма и Р.Г. Лоуи, П. Радена и М. Элиаде, и увидеть в шаманах носителей подлинной религиозности, а в анимизме – не верование, но практику, позволяющую прикоснуться к внутреннему миру других существ.⁴⁴

В исторических исследованиях традиционные верования коренных народов рассматриваются преимущественно в контексте взаимоотношений аборигенного населения с христианскими миссиями. В 1970–90-х гг. интерес к данной теме возрос, что нашло отражение в работах П.Гэррета, О.Кобцева, С.А. Мусалимаса и др.⁴⁵ Указанные авторы оценивали итоги деятельности миссий, прежде всего, с позиций представителей русской или европейской цивилизации, носителей христианской системы ценностей. Иной подход продемонстрировал в своих исследованиях профессор Алабамского университета А.Знаменский, стремившийся не только показать степень воздействия миссий на жизнь и культуру аборигенов, но и взглянуть на христианских проповедников глазами «инородцев» и «иноверцев».⁴⁶ В наиболее известной его монографии «Шаманизм и христианство: контакты аборигенов с русскими православ-

ными миссиями в Сибири и на Аляске, 1820–1917», опубликованной в 1999 г., предметом исследования стали взаимоотношения православных проповедников с представителями трех различных народов – индейцев-атапасков Танаина (денаина), чукчей и алтайцев.⁴⁷ По словам А. Знаменского, столкновение между шаманизмом и православием в Сибири и на Аляске, в сущности, было проявлением диалога двух миров о сути духовной, политической и идеологической власти. В то же время автор оспорил распространенные утверждения о том, что христианские миссионеры всегда действовали как агенты колониального господства в среде аборигенного населения, а также что сами аборигены сохраняли в «девственной чистоте» свою традиционную племенную культуру, несмотря продолжавшиеся в течение многих десятилетий контакты с представителями европейской цивилизации.

В целом необходимо отметить разнообразие подходов и концепций западных исследователей, изучавших историю освоения российской Арктики, различные аспекты правительственной политики в регионе, цели и итоги многочисленных экспедиций, взаимоотношения пришлого и коренного населения. Анализ отдельных проблем ставил исследователей перед необходимостью объяснения сущности всего процесса русской колонизации Сибири и Дальнего Востока. Всевозрастающий интерес западной общественности к перспективам дальнейшего освоения арктических территорий позволяет надеяться на появление новых работ, посвященных прошлому и настоящему Арктики и написанных историками, антропологами, этнографами, социологами и экономистами. При этом важно подчеркнуть, что изучение опыта, накопленного англо- и германоязычной историографией, не только позволяет лучше понять истоки бытующих на Западе представлений об исторических судьбах российских северных территорий, но и способствует более объективному и всестороннему анализу арктической проблематики отечественными исследователями.

Примечания:

¹ Hakluyt R. The Principal Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation. 2 vols., London, 1598; Hakluyt R. The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. 3 vols., 1598–1600; Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, Containing a History of the World, in Sea Voyages, and Land-travells, by Englishmen and others. London, 1625. В 1980-х гг. вышла в свет статья английского исследователя Т. Армстронга по истории освоения Северного морского пути. В качестве источников автор использовал географические карты, а также сборники материалов по истории арктических экспедиций английских мореплавателей, изданные во второй половине XVI – XVII вв. Сопоставляя различные источники, а также данные, полученные историками и географами позднейших эпох, Т. Армстронг проверил и дал оценку дошедшим до нас свидетельствам о плаваниях, совершенных в поисках Северного морского пути в 1553–1619 гг. См.: Armstrong T. In Search of a Sea Route, 1553–1619 // Arctic, Vol. 37. № 4 (December 1984). P. 429;

² Schleussinger F.G. Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet, ist nebst desselbigen Landes abgefasseter Charta etc. Dantzig, 1692. См. также: Stewart J.M. Britain's Siberian Connection // Stewart J., Wood A. Siberia. Two Historical Perspectives. London, 1984.

³ Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Pb., 1773–1776; Gmelin J. Reise durch Sibirien von den Jahren 1733–1743. Goettingen, 1751; Georgi J.S. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. St.Pb., 1775; Mueller G.F. Sammlung Russischer Geschichte. St.Pb., 1752; Mueller G.F. Sibirische Geschichte. St.Pb., 1761–1763; Fischer I.E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch Russische Waffen. St.Pb., 1768.

⁴ Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. London., 1780.

⁵ Barrow J. Voyages of Discovery and Research within the Arctic Regions: from the year 1818 to the Present Time... 1846; Shillinglaw J.J. A Narrative of Arctic Discovery: from the Earliest Period to the Present Time... 1851; Simmonds P.L. The Arctic Regions and Polar Discoveries During the Nineteenth Century. London, 1875; Recent Polar Voyages: a Record of Discovery and Adventure... 1880; Nordenskiöld A.E. The Voyage of the Vega Around Asia and Europe. London, 1881; Gilder W.H. Ice-pack and Tundra. An Account of a Search for the Jeannette and a Sledge Journey through Siberia. New York, 1883; Hooper C.L. Report of the Cruise U.S. Revenue Steamer Thomas Corwin in the Arctic Ocean in 1881. Washington, 1885; Nansen F. Farthest North. Westminster, 1897.

⁶ В Кембриджском университете было создано еще несколько институтов, изучающих проблемы Арктики и Антарктики и сотрудничающих с Институтом полярных исследований, или же работающих на его базе. В их числе: Британский центр геологических, геодезических и гидрографических изысканий в Антарктике; Программа Кембриджского университета по исследованию арктического шельфа; Международное гляциологическое общество; Международная китоловная комиссия; Научный комитет антарктических исследований; Кембриджский международный центр научной информации по гляциологии.

⁷ Arctic Bibliography. Prepared for and in cooperation with the Department of Defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. I–XI. Washington, D.C.: Department of Defense, 1953–1963; Vol. XII–XVII. Prepared by the Arctic Institute of North America with support of Government Agencies of the United States and Canada. McGill-Queen's University Press, 1965–1976.

⁸ Golder F. Russian expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland, 1914.

⁹ Golder F. Russian expansion... P.71.

¹⁰ Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории, 1945, № 5 – 6. С. 189; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–1742 гг. Л., 1935.

¹¹ Coxe W. A Comparative View of the Russian Discoveries with those made by Captain Cook and Clerke, London, 1787. P. 474; Чернавская В.Н. Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археол. исследования. Владивосток, 1994. С. 144.

¹² Ученик Р.Кернера Р.Фишер также отмечал, что «Ф.Голдер был не первым, кто отрицал достижение С.Дежнева, но он был первым профессиональным историком,

сделавшим это после обработки доступных в то время материалов». При этом, по мнению Р.Фишера, Ф.Голдер игнорировал аргументы в поддержку плавания Дежнева. (Подробнее об этом см.: Fisher R. Semen Dezhnev and Professor Golder // *Pacific Historical Review*, XXV, 1956. P.282). Необходимо также привести замечание современного исследователя Л.М.Демина о том, что, «несмотря на обилие публикаций о С.И.Дежневе, в его биографии остается еще немало «белых пятен» и дискуссионных вопросов». См.: Демин Л.М.Семен Дежнев. М., 1990. С. 321–322; Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России... С. 106–107.

¹³ Haycox S. *Russian America: Studies in the English Language* // *Pacific Historical Review*. Berkeley, 1990. Vol. 59, №.2P. 239.

¹⁴ Fisher R. Semen Dezhnev and Professor Golder // *Pacific Historical Review*. Vol. XXV, 1956. P. 281–292; Fisher R. *Bering's Voyages: Whither and Why?* Seattle, 1977; Idem. *The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's Precursor, with Selected Documents*. London, 1981.

¹⁵ Golder F. *Russian expansion on the Pacific, 1641–1850*. Cleveland, 1914. P. 169. В дальнейшем Ф. Голдер подготовил 2-томное издание, посвященное экспедициям В.Беринга и опубликованное в 1922–25 гг. В первом томе освещается Первая Камчатская экспедиция 1725–30 гг., а также путешествие М.С. Гвоздева к Америке в 1732 г.; во втором томе рассматривается Вторая Камчатская экспедиция 1733–43 гг. и содержится ряд документов, обнаруженных Ф. Голдером в архивах. в качестве приложения к монографии о Беринге переводы документов, обнаруженных в российских архивах и имевших отношение к истории Второй Камчатской экспедиции. См.: Golder F. *Bering's Voyages...*; Чернавская В. Н. Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования*. Владивосток, 1994. С. 152.

¹⁶ Antonson J. M., Hanable W. S. *Alaska's Heritage*. (Alaska Historical Commission Studies in History. №. 133). State of Alaska, 1985; Алексеева Е.В. *Русская Америка...* С. 90.

¹⁷ Urness C. *Captain-Commander Vitus Bering* // *Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact...* P. 73, 79.

¹⁸ Tompkins S. *Alaska, Promyshlennik and Sourdough*. Norman, Oklahoma, 1945. P. 25–45; Mirsky J. *To the Arctic!* New York, 1948. P. 68; Harrison J. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. Coral Gables, Florida, 1971. P. 63 – 128.

¹⁹ Алексеева Е. В. *Русская Америка. Американская Россия?* Екатеринбург, 1998. С.110; Fisher R.H. *Imperial Russia Moves Overseas: An Overview* // *Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*. Sitka, Alaska. August 19–22, 1987. Ed.by R. A. Pierce. The Limestone Press. Kingston. Ontario: Fairbanks, Alaska, 1990. P. 71.

²⁰ Semjonow Y. *Sibirien. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten*. Olten, Stuttgart, Salzburg, 1954. S. 174.

²¹ Barrat G. *Russia in the Pacific, 1715–1825*. Vancouver, London, 1981. P. 234. По мнению Г.Баррэта, использование Северного морского пути означало для Петра I возможность установления и развития торговых связей с Китаем и Японией. Немаловажными представлялись царю и задачи научного исследования региона, что должно было способствовать дальнейшему хозяйственному освоению новоприосоединенных терри-

торий. Морские экспедиции также должны были стать хорошим испытанием на прочность для молодого российского флота. Наконец, военные корабли должны были обеспечить регулярные поступления ясака, собиравшегося с коренного населения Северо-Востока, поскольку в условиях практически непрерывных столкновений с коряками и чукчами своевременный вывоз собранной пушнины был крайне затруднен

²² Bartlett R.A. *The Log of Bab Bartlett: the true Story of Forty Years of Seafaring and Exploration*. New York, London, 1928; Bartlett, R.A., Hale R.T. *The Last Voyage of the Karluk*. Boston, 1916; Stefansson V. *The Adventure of Wrangel Island*. New York, 1925.

²³ Abel H., Jessen H. *Kein Weg durch das Packeis/ Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889)*. Bremen, 1954; Abel H. «Commerzielle Pionierfahrten» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884) // *Schriften der Wittheit zu Bremen* 22. Bremen, 1978; Дальманн Д. Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 21–32. Подробнее см.: Боякова С. И. Германские научные исследования в Российской Арктике во второй половине XIX – начале XX в. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/Boyakova-S.-I.-GERMANSKIE-NAUCHNYE-ISSLEDOVANIYA-V>.

²⁴ Armstrong T. *The Northern Sea Route*. Cambridge, 1952; McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. New York, 1998.

²⁵ Golder F. *Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850*. Cleveland, 1914.

²⁶ Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890; Памятники сибирской истории. СПб., 1882–1895.

²⁷ Kerner R. *The Urge To The Sea: The Course of Russian History – The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs*. Berkeley and Los Angeles, 1946. P.66–89.

²⁸ Kolarz W. *The People of the Soviet Far East*. New York, Frederick A. Praeger, 1954.

²⁹ Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. научн.-теор. конф. Ч. II. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 3 – 25; Connolly V. *Beyond the Urals. Economic Developments in Soviet Asia*. London, 1967. P. 8; Idem. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements*. New York, 1975. P. 31. Gröpper C. *Die Geschichte der Kossaken. Der Wilde Osten (1500–1700)*. München, 1976. S.167, 229.

³⁰ Lantzeff G.V. *Siberia in the XVII century. A Study of the Colonial Administration*. Berkeley and Los Angeles, 1943. P.109–127.

³¹ Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965. P.102–114.

³² Harrison J. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. Coral Gables, Florida, 1971. P.100–128.

³³ *Ibid.* P.127–141.

³⁴ Forsyth J. *The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge, 1992. P.117–119.

³⁵ Милова О.Л. Рец. на кн.: Forsyth J. *The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge, 1992 // ВИ, 1993 г. №11–12. С.167–169.

³⁶ Slezkine Y. *Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors*. Ithaka, London, 1994. P.38.

³⁷ *Ibid.* P.60–61.

³⁸ Ibid. P.71.

³⁹ Grant B. In the House of Soviet Culture: A Century of Perestroikas. Princeton, 1995; Golovnev A.V., Ochoreinko G. Siberian Survival: The Nenets and Their Story. Ithaca, 1999; Kerttula A. M. Antler on the Sea: The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. Ithaca, 2000; Ssorin-Chaikov, N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, 2003. Knight, N. Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia (Ph.diss., Columbia University, 1994); Geraci, R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, 2001. Их статьи в русскоязычном переводе: Н.Найт. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855; Р.Джераси. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 гг.» // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / Сост. П.Верг, П.С. Кабытов, Л.И. Миллер. М., 2005.

⁴⁰ Верг П. «Арктические зеркала» в западной русистике // Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С.

⁴¹ David G. Anderson. Identity and Ecology in Arctic Siberia : The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000. На русском языке монографии вышла двумя годами раньше: Андерсон Д.Дж. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск. Издательство СО РАН 1998.

⁴² Следует заметить, что предложенный Д. Андерсоном подход к оценке истории этнографических исследований коренных народов Севера вызвал острую дискуссию, начало которой положило выступление известного этнографа Е.А.Хелимского на конференции «Сибирь и Крайний Север», прошедшей в Вене в июне 2000 г.

⁴³ Balzer. M.M. .The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton: Princeton University Press, 1999.

⁴⁴ См. рецензию К. Старклоффа (Carl F. Starkloff) на книгу Дж. Грима (Grim J.A. The Shaman: Patterns of Siberian and Ojibway Healing. Norman: University of Oklahoma Press, 1983 // Sociology of Religion: A Quarterly Review. Vol.45. Issue 4. Winter 1984. P.401); а также отзыв Брюса Гранта на монографию датского исследователя Р. Виллерслева о юкагирах (Willerslev, R. Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs. University of California Press, 2007 // Journal of the American Academy of Religion. Vol. 76, Issue 4 (2008). P. 1004–1007).

⁴⁵ Garret P.D. St. Innocent: Apostle to America. Crestwood, New York, 1979; Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // Sibirica. No 2, 1986. P.6–15; Mousalimas S.A. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska. Oxford, 1995.

⁴⁶ Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut, London, 1999; Idem. Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality. Dordrecht, 2003; Idem. The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination. Oxford University Press, 2007.

⁴⁷ Гринева А.В. Рец. на кн.: А.А. Znamenski. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917 // Этнографическое обозрение, № 5, 2001. С.159–164.